

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет вожделения №1
- Оскар за убойную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания – многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Колесницы
судьбы

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Колесницы судьбы : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202563-1

Варя Кононова выходит в отставку со своей сверхсекретной службы. Теперь она с помощью сердечного друга Алексея Данилова, обладающего феноменальными способностями, ищет тех, кто когда-то погубил ее родителей. К поискам подключается полковник Петренко и «спящий» экстрасенс Иван Кольцов. Сначала дело кажется неразрешимым: все улики давно уничтожены, да и свидетелей уже не найти. Но потом оказывается, что враг совсем близко и он обладает чудовищной силой. Противостояние будет тяжелым — смогут ли Варя и ее друзья уцелеть?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2024

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-202563-1

Варя Кононова, весна и лето 2022 года

В госпитале Варя написала рапорт об отставке.

Полковник Петренко вышел из комы раньше ее и приступил к службе. Он, словно заботливый папочка, раз в неделю навещал Варю. В один из визитов она и подсунула ему рапорт. Он спросил:

— Долго думала?

— Долго.

— Данилов знает?

— А он тут при чем вообще?

— Чем дальше по жизни заниматься думаешь?

— Найду чем.

Она злилась на полковника и почти не скрывала этого.

Она не могла его простить.

Притом что всегда его любила.

Любовью платонической, почти дочерней.

Но тем горше обида.

Хотя расставаться с Петренко было грустно. Чтобы жалость не проникла в сердце, она мысленно распяляла себя: «Главное в нем то, что он — чекист. А значит, профессиональный провокатор. Он долго и умело скрывал свою личину — под маской заботливого, любящего начальника. Чуть не доброго дядюшки. А во время последнего задания расчехлился. Врал нам с Даниловым напрапалую. Шантажировал нас.

Давил. И все для того, чтобы мы выполнили боевую задачу. Ему ничего не важно, ни наши чувства, ни наши жизни, — лишь бы мы осуществили операцию. Да, целью ее были счастье и благополучие страны. И он мечтал избавить нас от нынешнего неблагоприятного *сегодня*. Но зачем ради успеха дела врать? Обманывать самых близких людей (как полковник не раз утверждал): меня, Данилова? Неужели мы не пошли бы за ним без этого вранья?»

Петренко сидел рядом с ее койкой на стуле, поглядывал исподлобья. Чувствовал переменившееся Варино отношение. Потом оставил на тумбочке три апельсина, по-старомодному принесенные в «дипломате», вздохнул, бережно уложил в кейс листочек с рапортом и вышел из палаты.

Мобильный телефон или планшет ей до сих пор выдавали всего на час, под расписку, для связи с близкими — и никакого Интернета. Поэтому спустя три дня она позвонила полковнику по городскому, с поста старшей медсестры. Петренко буднично проговорил: «Рапорт твой подписали».

На следующей день Варю перевели в общий корпус, в двухместную палату, — проходить диспансеризацию, обязательную перед увольнением.

А однажды Петренко явился в госпиталь с огромным букетом цветом. Договорился, видимо, с начальником, и для них двоих открыли конференц-зал. Варя спросила зачем — полковник отшутился, а тем временем сноровисто достал из портфеля бутылку наилучшей водки, два граненых стакана (!) и нарезку колбасы. Накрыл с мужицкой грубой грацией полированный стол для заседаний.

А потом зачитал два секретных приказа.

Первым из них капитану Кононовой Варваре Игоревне за проявленные мужество и героизм при выполнении особого задания присваивалось внеочередное звание майора. А во втором — она награждалась орденом Мужества.

Варя не могла сдержать слез.

А потом, когда они с полковником обмыли орден в стакане с водкой, Варя разнюнилась:

— Да разве я достойна таких наград!

— Варя, — строго сказал ей Петренко, — отставить слезы! Тебя ведь взаправду убивали тогда — в июле пятьдесят девятого, в даниловском «москвичонке», под городом Калининым. Ты заслужила.

Прошел месяц

Варю выписали в конце июня.

Она приехала к себе домой на Новослободскую на такси. Замок с трудом открылся — закоснел, заржавел за три года неиспользования.

В квартире оказалось полно пыли. Перед отбытием в прошлое она здесь прибралась. Но все равно что-то недосмотрела. Бросила, уезжая, недочитанную книжку у кровати. Не вымыла утреннюю чашку кофе — спешила! Не прибрала пижамку, кинутую на кресло. Все побурело от времени, на пальце, чего ни коснись, оставался лохматый след.

На потолке в кухне появились протечки — видно, кто-то из соседей их залил. На подоконнике остались следы высохшей лужицы — ветер с дождем некогда пробили оконное уплотнение, оставили

свой отпечаток — пластиковые окна они с Даниловым поставить не удосужились.

Варя распахнула окно. Пусть не по-летнему холодно — но пускай скорей выдует из квартиры застоившуюся затхлость. Бросилась в комнаты: раскрывать плотные гардины, растворять фрамуги.

И вдруг — звонок в дверь. Да не простой, а троекратный! Такой родной, привычный! Свой! Она бросилась к входной двери, не стала ни в глазок смотреть, ни переспрашивать кто — щелкнула замком, увидела на пороге Алексея и бросилась к нему в объятия. Покрыла поцелуями бесконечно родное лицо. Он приподнял ее, внес внутрь.

— Тише, Лешенька, тише, не геройствуй! Тебя после комы выписали!

Потом в постели она шептала ему:

— Небось привык ко мне молоденькой? Двадцатилетней?

— А ты? Помнишь в моей роли того юнца? Ответственного работника ЦК партии на красном «Москвиче»?¹

— Боже! Я так рада, что мы вернулись! Я на это и не надеялась!

— И я очень рад видеть и чувствовать тебя прежнюю. Я так скучал по тебе, — с чувством проговорил он. — И знаешь что? Я тут понял одну вещь. И уверился в ней. Нам с тобой надо...

— ...срочно убраться в квартире? — лукаво закончила за него Варя.

¹ Об этом подробнее можно прочитать в предыдущих книгах Анны и Сергея Литвиновых из цикла «Агент секретной службы» — «Успеть изменить до рассвета» и «Завтра может не быть».

— Нет. Хотя и это тоже... Но главное — нам надо пожениться.

* * *

Варя сладко потянулась.

Впервые за двадцать лет никуда не надо спешить утром.

Не думать мучительно, засыпая, о рабочих проблемах.

Не вздрагивать среди ночи от внезапных звонков — ведь по уставу службы она не должна была выключать свой служебный телефон НИКОГДА.

Жить спокойной, размеренной жизнью гражданского человека. В свои сорок (с небольшим хвостиком) получать неплохую (в сравнении со штатскими) военную пенсию.

Да-да, ей слегка за сорок.

Секретные агенты выходят на пенсию рано. Как балерины.

«Мамочка моя и до этого возраста не дожила. А я так и не выяснила, почему она погибла. Кто или *что* ее погубило. И не отомстила за нее. За нее и за отца.

Значит, то, чем я занималась двадцать лет, пошло прахом? Я не добилась главного? Или мне еще повезет? Теперь, лишившись повседневных обязанностей и рутины, я смогу выйти на след тех, кто погубил родителей?»

Варя всегда знала: ту стародавнюю тему не бросит, не оставит.

Она будет искать, бороться и биться.

Чтобы понять и НЕ простить.

Понять, кто погубил папу и маму. И воздать им по заслугам.

Девушка вылезла из кровати. Было странно, что Данилов уходит на работу раньше ее. Во времена, что они жили вместе, он обыкновенно нежился в кровати, когда она тряслась в метро или мчалась на машине в штаб-квартиру *комиссии* на окраине столицы. Теперь он по утрам тихонько варил себе кофе и уезжал, куда она спала.

Можно ли считать, что Данилов сделал ей предложение? Или *ляпнул* в порыве чувств после страстной любви и разлуки?

Больше он ее замуж не звал. Возможно, готовился сделать предложение в официальной обстановке, как положено: на коленях и с кольцом? Или думает замять его? Но это дудки: Варя гордиться не станет, сама напомним.

Теперь последний формальный барьер, мешающий их браку, пал. Она больше не сотрудник *комиссии*.

Комиссии, у которой Данилов находился в разработке и которая, как ни странно, некогда познакомила их: ее, двадцатидвухлетнего лейтенанта, и его — экстрасенса, испуганного вдруг проявившимся у него необыкновенным даром.

То, что они последние несколько лет жили вместе, распорядком службы строго запрещалось. Но Петренко на непорядок смотрел сквозь пальцы. И если его дергал по этому поводу глава комиссии Козел Винторогий Марголин (а он наверняка дергал), полковник Варвару перед начальником отстаивал.

Но теперь Варя — больше *не их*. Она — ничья. Может распоряжаться своими чувствами как заблагорассудится.

«Значит, я выйду за Данилова».

Варя накинула халатик и пошлепала на кухню.

В квартире они навели порядок сами, не доверяя никому. Вдвоем, переодевшись в старье и вооружившись арсеналом губок, тряпок, швабр и моющих средств, которые накупили в гипермаркете, мыли, драили и проветривали три дня напролет.

Теперь на кухне царила чистота. А Алеша открылся ей с новой стороны: чистюля и аккуратист.

Наверное, он и раньше таким был — да только за ежедневным верчением на службе, когда то и дело приходилось *спасать мир*, она не замечала этого. А теперь могла посвятить себя Данилову целиком.

Варя сварила кофе.

«А еще у меня появилась возможность и время выполнить *предназначение каждого живого организма*. Фу, звучит ужасно. Канцелярщина, как в *комиссии* отчет пишешь. Проще говоря, я ведь и родить теперь могу».

При мысли, что маленькое существо в какой-то момент поселится прямо в ней, под сердцем, а потом явится на свет и будет рядом: смешно чмокать, потягиваться и пускать пузыри, а потом расти, умнеть и хорошеть, — при одной этой мысли на душе становилось тепло и радостно.

«Малыш продолжит историю фамилии. И я оставлю в будущем ребенке частичку себя. И погибших мамы с папой. И бабушек. И Данилова...»

С Даниловым, конечно, сложно. И боязно. Вдруг сын или дочка станет *таким, как он?*

Алеша, конечно, прекрасен: умный, тонкий, красивый, интеллигентный. Но вдруг ребенок унаследует его талант? Или (как он сам всерьез считает) *изъян?*

Вдруг дети тоже станут экстрасенсами? Смогут читать мысли? Прорицать будущее? Ведь это тяжелейший груз (Леша правильно говорит!): быть не таким, как все.

Люди со сверхталантом и необычным, искристым даром — они всегда (ей ли ни знать по роду службы!) становятся мишенями. К ним приковано самое пристальное внимание, притом далеко не благосклонное. Им требуются огромные силы, чтобы управлять своим талантом и смирять его.

А потом, получится ли? Не потому, что возраст. Теперь наука далеко продвинулась. Одно ЭКО чего стоит. Но было ведь в ее жизни такое — о чем никто не знает, даже Данилов. (А вот Петренко ведает!) То, что, может, навсегда перечеркнуло ее способность завести потомство.

Не только в сугубо физиологическом, медицинском смысле, но и выше — в ментальном, духовном.

И как оно всё будет? Получится ли забеременеть?

Они всегда с Алешей предохранялись. Но случилось: раз, или два, или три любили друг дружку *без защиты*. Не очень точно просчитанные критические дни. Забытые в спешке таблетки. Не купленный вовремя презерватив.

И — ничего. Пока ничего.

Значит, она теперь, после того случая, *не может?*

Конечно, сейчас любая болезнь лечится. Есть ЭКО, суррогатное материнство...

Но как проверить, способна или нет? А главное — имеет ли право после всего, что было?

Во всяком случае, рассказать Данилову ту историю она не готова.

Несмотря на все, что они вместе пережили. Да и сможет ли когда-нибудь ему открыться? Надо ли?

Имеется, конечно, искушение, как в омут головой, взять и *попробовать*. А там, глядишь, судьба сама вырулит. Но лучше — для начала подумать, все взвесить.

Пока, если честно, ей и без наследников хорошо. Кофе по утрам с конфеткой, блаженное ничегонеделанье.

«В конце концов, у меня есть время и силы, чтобы построить новую, теперь цивилизую и совершенно нескретную карьеру. До нормальной, не военной пенсии, почти двадцать лет».

За те два десятилетия, что она служила в КОМКОНе, Варя сделала о-го-го сколько. Столицу спасла от разрушения. И (без ложной скромности!) дважды — весь мир. В третий раз спасти его не удалось.

Теперь можно выбрать себе задачи скромнее. Сколотить нормальный бизнес. Или хотя бы денег поднять. Потому что служба в *комиссии* была скорее *служением*.

В КОМКОНе большинство пахали за идею. Получали негусто. Палат каменных с тех доходов точно не наживешь.

А у них с Даниловым — дыра на прорехе. Осталась от ее родителей развалюха по Горьковскому на-

правлению, в которую они лет пять не заглядывали. И эта старая родительская квартира на Новослободской давно ремонта требует.

Вот, значит, сколько у нее возможных направлений. Бизнес — раз. Материнство — два. Месть за родителей — три.

Да ведь современные женщины разные свои стези легко соединяют! И действуют *по всем трем направлениям*: работа, потомство и семейные проблемы.

Но этим Варя займется завтра.

А пока отдыхала.

Наслаждалась покоем.

Вспоминала былое.

И свои битвы. Собственную войну, о которой она, согласно подписке, никому не могла рассказать.

Пожизненно.

Двадцать один год назад

Когда Варя вспоминала те деньки, они ей представлялись почему-то солнечными и безоблачными. Хотя и тучи тогда наверняка налетали, и метели. И дожди шли. Но, может, солнце в ту пору светило — если сравнивать с нынешними временами, когда сплошной мрак кругом? А может, она просто была совсем молодой? Потому и жизнь представлялась солнечной, ясной да погожей?

Последний курс ВМК, зима, февраль. Бабушка жива, а у Вари последние месяцы студенческой вольности — впереди защита, распределение.

Деньжат тогда не хватало, поэтому визит в кафе был праздником. Даже кофейком полакомиться с пирожным, не говоря о том, чтоб поесть или коктейль выпить.

Да и подходящих кафе в столице немного, чтобы без штанов не остаться и удовольствие получить.

В то заведение они собрались с Верой Погодиной днем: выпить малость, поесть и поболтать. Заранее наметили, сговорились. Потом, когда встретились, оказалось, что Верунчик укладочку по такому случаю соорудила — будто на свидание собралась.

Как оно называлось, то местечко? Его давно не существует. В самом центре находилось, в районе Патриков, — сейчас там сплошь модные заведения. А двадцать лет назад встречались разные: и дорожные, и шалманы низкопробные, и средние по качеству. То кафе было из подходящих для студенток: недорого, вкусно и не отравят.

На Малой Бронной оно стояло, на углу со Спиридоньевским переулком. С тех пор на Патриарших все заведения сменились, да не по одному разу.

Название у кафе было стремным. Интерьер тоже не чета нынешним, над которыми модные дизайнеры работают: твердые неудобные сиденья, простые струганые столы. Зато мясо готовили божественно. И коктейли бармен смешивал — будь здоров.

Вера неподалеку жила и заранее заглянула, столик заказала. Как он звался, тот ресторанчик? Какое-то странное название... Не слишком аппетитное... Может, из-за неправильного именованья они в итоге и разорились...

Точно, называлось местечко «Тривия». «Тривия», подумать только! Что бы это значило? Почти как «травильня»... Или «трава», «требуха»... Тогда Варя не озаботилась, а теперь и не спросишь, почему такое наименование.

Кононова (нынче, в июне двадцать второго) от нечего делать загрузила в интернет-поиске: «Тривия». И нашелся ответ. Подумать только, второе имя римской Дианы.

Тривия — божество охоты, ночи, подземного царства.

А она и не знала.

Ладно, ничего постыдного. Она ведь не гуманистический, как Данилов, а твердый и уверенный математик.

Другой вопрос, куда кафе делось, бесполезно задавать. И что стало с тем красавчиком-барменом, который все на Варю поглядывал, но подойти так и не решился, и с тем официантом, который...

Да, подавальщик принес горячее, расставил перед ними тарелки, пожелал приятного аппетита, а потом вдруг, р-раз, протянул Кононовой конверт. И проговорил таинственно: «Вам просили передать...»

Грешным делом, она подумала, что послание от красавчика-бармена, но что за странный способ знакомства: записочкой, словно они семиклассники! Письмо? Бумажное? Seriously? Кононова оглянулась на стойку, но парень глазами ее не ел, а, напротив, отвернулся и копался со своими бутылками.

— Что за послание? — хихикнула Верунчик (в них уже плескалось по коктейлю). — От кого

письмо? Любовное признание? Открывай, посмотрим!

Но что-то Варе подсказало: показывать письмо Вере не следует. Она сунула депешу в сумочку и переспросила у подруги о *ее* любовных делах: разговор о личном — самый верный способ переключить внимание собеседника.

Но пакет осмотрела, конечно. Стандартный конверт, старого образца, советских времен: не длинный, как на Западе (и как стали к началу двадцать первого века использовать у нас), а почти квадратный. Адреса нет, марки тоже. Заклеен.

«Бред какой-то, — подумалось, помнится, ей. — Двадцать первое столетие на дворе. Какие могут быть *бумажные* письма?! Все электронные посылают! Или эсэмэски».

Любопытство стало сжигать изнутри, но распечатывать конверт в присутствии Верки Кононова не торопилась. Когда покончили с горячим (и со вторым коктейлем), сказала: «Извини, Верунчик, с желудком непорядок, я в туалет...»

Только в тесной и неудобной кабинке раскрыла депешу. Получилось неаккуратно, клоками, но что поделаешь.

В конверте оказался сложенный вчетверо листок. А на нем — как в детективном, блин, старом фильме — наклеены слова и буквы, вырезанные из газеты! Но содержание такое, что Варю бросило одновременно в жар и в холод.

«Я знаю, почему ОНИ погибли. Приходи завтра в 23.00 в церковь в Вешняках».

Слово «ОНИ» вырезано из заголовка, поэтому
раза в три больше остального текста.

Совершенно понятно, что оно здесь — главное.
Они погибли.

Кто подразумевается под словом «они»? О чьей смерти она думала тогда, несмотря на то что минуло почти десять лет? Разумеется, это означало — мамочка с папочкой, которые разбились в конце лета 1993 года на машине и с гибелью которых Варя до сих пор не могла примириться. Все время думала: хотя дело давно закрыто, все совсем не так просто с их смертью.

Может, письмо чья-то злая и глупая шутка? Но кому понадобилось столь пошло, мерзко, оскорбительно шутить? Или это странное совпадение, ошибка? Письмо предназначалось не ей, а какому-нибудь бандитскому авторитету? Попало к ней случайно?

Варя вышла из туалета в растерянной задумчивости. Или задумчивой растерянности. Но и тогда при всякой *непонятке* (как выражались в те времена) она предпочитала не *рефлексировать* (как изъяснялась ее интеллигентная бабушка) или *сопли жевать* (как говорили гораздо менее воспитанные сокурсники).

Действие в ее характере традиционно опережало *размышление*. (За что впоследствии Петренко неоднократно Кононову корил-порицал.)

Вот и сейчас она не планировала и не загадывала, что будет делать. Но тут как раз из кухни выбежал давешний официант. Попытался проскользнуть боком мимо нее.

В закутке у туалета их из зала видно не было, и Варя, неожиданно для себя, тормознула подавальщика.

— А ну, стой!

Тот покорно повиновался. Они оказались лицом к лицу — притом Варя, сто семьдесят восемь сантиметров плюс каблуки, смотрела на худенького парнишку-официанта если не сверху вниз, то по меньшей мере вровень. И возрастом он тоже был ей впору: двадцать с небольшим, максимум двадцать пять. А уж ручки ее и плечи (кандидат в мастера по академической гребле!) смотрелись внушительней, чем у сублильного полового.

— Ты мне сейчас письмецо в конверте всучил.

— Ну.

— Откуда оно у тебя?

— Просили передать.

— Кто?

— Один мужик. Заходил незадолго до вас.

— Что за мужик? Ты его знаешь?

— Нет. Первый раз видел.

— Какой из себя?

— Мужчина и мужчина, — дернул плечиком официант.

— Ты давай толком рассказывай, — ласково молвила девушка, а сама как бы невзначай погладила парня по щеке. Но потом опустила руку ниже, к худенькой шейке, и чуть-чуть ее, вроде бы дружески, прижала. — Сколько лет мужику? Из каких краев родом на вид? Какой акцент? Что собой представляет? Бандит, мент, работяга, интеллигент?

Мимо них в направлении удобств проследовали две фифы, сидевшие за соседним столиком. Увидели картинку: мощная дева зажимает в угол официанта — фыркнули, хихикнули, скрылись в сортире.

— Рассказывай давай толком! — поторопила Кононова.

— Ну мужик такой, лет тридцати, может, тридцати пяти. Чуть ниже меня. — Подавальщик нервно хихикнул. — И тебя, значит. Шибздик. Но одет цивильно. Пальто, костюм, галстук. Говорит правильно, без акцента. Интеллигент, похоже. Не бандит, точно.

— Может, мент?

— Может, и мент. Но в штатском.

— И что он сказал?

— Попросил передать письмо.

— Письмо... А кому? Как он объяснил? Как ты понял, что послание мне предназначается? Он фамилию мою сказал?

— Сегодня, говорит, зайдет к вам такая девушка. Ну, и тебя описал.

— Описал? Как?

Парнишка слегка покраснел.

— Большая такая, говорит, мощная молодая девушка. С большой грудью. — Краска сделалась гуще. — Студентка. Лет двадцати. С подругой.

— А если б тут другая мощная оказалась?

— Он мне фамилию вашу назвал.

— И какая у меня фамилия?

— Кононова.

— Правильно. Но ты у меня ее не спросил.